

КАРАБАХСКАЯ ШКОЛА МУГАМА

Азербайджанский мугам по решению ЮНЕСКО вошел в число шедевров устного и нематериального наследия, представляющих выдающуюся ценность для культуры всего человечества. В самом Азербайджане, где мугам воспринимается как неотъемлемая часть системы основополагающих культурных ценностей азербайджанского народа, это решение было воспринято и как признание заслуг выдающихся исполнителей этого жанра, и как желание привлечь внимание мировой культурной общественности к этому уникальному наследию.

Имеющий многовековую историю мугам достиг своего расцвета в период, именуемый специалистами Восточным Ренессансом, когда на базе греко-римского наследия азербайджанская культура в различных областях - от литературы до архитектуры - смогла создать шедевры, вошедшие в золотой фонд мировой культуры. В дальнейший период истории развитие мугама не изменило его сути и значения. **Мугам и по сей день остается неким культовым микромиром, являющимся, с одной стороны, наследием прошлого, а с другой - предельно современным искусством. Строгие канонические требования здесь гармонично сочетаются с возможностью импровизации и творческого развития темы.**

Уникальная культура мугамов выросла на богатой философской, музыкальной и литературной почве. Исполнитель мугама воспринимается зачастую слушателями как носитель некоего архаичного магического кода, который должен передаваться из поколения в поколение, даруя людям возможность приобщения к вечной истине и обретения душевного покоя.

Созидательное начало в восприятии современником культурного наследия прошлых веков - это всегда тайна тайн. Никакая мертвая академическая книжность не в силах передать нюансы живой ткани этого творчества. Исполнители мугама, как некие посвященные в эту тайну избранные, в каждом своем выступлении способны продемонстрировать это вечнозеленое древо живой музыки и живой поэзии.

Мугам как синтетический вид искусства опирается на азербайджанскую классическую поэзию, полную глубоких аллегорий и символов. Эзопов язык здесь сочетается с мистическим смыслом, контекст каждой поэтической строки, ее истинный смысл раскрывается лишь тем знатокам, которые хорошо знают восточную философию, язык символов и иносказаний, умеют расшифровывать скрытое для непосвященных потаенное значение тех или иных строк. С детских лет у всех исполнителей мугама формируется эта очарованность той формой стихосложения, которая широко используется при написании газелей и наиболее близка к музыкальным требованиям мугамов. Ни один из исполнителей мугама не сможет вам сказать, сколько конкретно газелей различных поэтов он знает наизусть, но когда возникает необходимость отразить ту или иную тему, память подскажет нужные строки.

Мугам был и остается неисчерпаемым источником вдох-

новения для азербайджанских композиторов. Созданные на базе классических образцов симфонические мугамы исполняются с огромным успехом оркестрами многих стран как на Западе, так и на Востоке. Но при этом пространство мугама остается поистине безграничным источником для творческих поисков и интерпретаций современных композиторов. Хорошо знающие мугам могут "улавливать" его в различных произведениях, на первый взгляд очень далеких от прямого цитирования мугама.

В Азербайджане широко распространены как мугамы, предназначенные для сольного исполнения, так и инструментальные мугамы. Состав группы, исполняющей инструментальный мугам, может быть различным, но, как правило, он гораздо шире, чем тот, который предназначен сугубо для аккомпанирования. При всем разнообразии и богатстве инструментальных мугамов вершиной мугама является сольное исполнение. Именно в сольном исполнении слушатель способен уловить ту суфийскую мистику "путешествия в астрал", которая составляет, по мнению истинных ценителей мугама, суть такой музыкальной медитации.

Певцов, исполняющих мугам, азербайджанцы традиционно называют ханенде. Пение ханенде обычно сопровождается аккомпанементом музыкантов. Состав этой группы музыкантов, играющих на национальных инструментах, бывает разным: от трио (тар, кяманча, деф) до целого оркестра.

В Азербайджане существуют несколько признанных школ исполнителей мугама. Хотя этот жанр распространен во всех регионах страны, основными центрами мугамного творчества, создавшими свои самостоятельные школы, являются Баку, Шамаха, Гянджа, Нахчыван и Шуша. Представляющая особый интерес так называемая карабахская школа мугама сформировалась в основном в Шуше.

Первые записи азербайджанских мугамов стали выходить с 1902 года. Пионерами звукозаписей азербайджанских мугамов были английская компания "Граммофон", германская компания "Спорт-рекорд" и французская компания "Патэ-рекорд". Начиная с 1913 года, эти компании открывали свои постоянные представительства в Риге, Москве, Варшаве, Петербурге, Киеве, Тифлисе и Баку. Кроме них, азербайджанские мугамы записывали такие российские компании, как "Концерт-рекорд", "Монарх-рекорд", "Экстрафон", "Граммофон-рекорд", венгерская компания "Премьер-рекорд". Ряд ценных записей был выпущен в советское время Апрелевским заводом и заводом Ногина.

Наибольшая часть этих записей собрана в Государственном Архиве Звукозаписей Азербайджана. Некоторое их количество имеется также в Государственном Музее Музыкальной Культуры Азербайджана. Ряд старых записей азербайджанских мугамов имеется в национальном архиве звукозаписей Британской библиотеки и некоторых других архивах.

В Азербайджане была проделана большая работа по восстановлению этих старых записей. В частности, пластин-

ки начала XX века были отреставрированы и переведены в цифровой формат. Эти записи ранее не тиражировались, были записаны в единичном экземпляре и не предназначались для распространения.

Политические катаклизмы, вызванные первой мировой войной, распадом Российской империи и созданием Советского Союза, привели к глубокому кризису жанра мугама. Он представлялся советской идеологией как отжившее свой век искусство, чуждое пролетариату. Даже тар - ведущий инструмент мугамного исполнения - не избежал нападков. Вытесненный на уровень андеграунда, мугам смог вернуться в русло официальной культурной жизни. Но при этом первые высокого класса студийные записи мастеров искусств карабахской школы в советское время датируются 30-50-ми годами. Это пластинки с голосами Хана Шушинского, Зульфи Адыгёзалова, Сеида Шушинского, Абульфата Алиева, Муталлима Муталлимова, Ягуба Мамедова, Ислама Рзаева, Арифа Бабаева, Муршуда Мамедова, Гадира Рустамова, Сулеймана Абдуллаева.

И, наконец, третья группа исполнителей завоевала признание уже в конце XX века. Она представлена записями таких ханенде, как Вахид Абдуллаев, Сахавет Мамедов, Захид Гулиев, Гарахан Бейбутов, Мансум Ибрагимов, Сабир Абдуллаев, Фехруз Мамедов.

Говорят, что народ должен веками готовиться к рождению великого таланта. К моменту его рождения должны быть готовы колыбельные, которые он услышит, сказки, которые научат его различать добро и зло, песни, которые приобщат его к музыкальному наследию предков. Очевидно лишь одно - если народ, окружающая большой талант среда не готовы к его восприятию, он может до конца своей жизни не только не реализовать себя, но и оказаться вообще невостребованным. С этой точки зрения судьба была благосклонна к карабахским певцам-ханенде. Они родились именно там и именно тогда, когда окружающая их среда была готова к восприятию великих талантов.

Сам факт их рождения в Карабахе во многом предопределил их судьбу. Они родились там, где пели практически все, где хорошо знали цену прекрасным голосам и музыкальным талантам. Каждый уроженец Карабаха, независимо от того, родился ли он в горном или низменном Карабахе, в Шуше или Агдаме, не просто выступал как знаток мугама и мог при случае напеть любую народную мелодию, но и являлся одним из тех, кто формировал среду истинных ценителей этого жанра и создавал вокруг мастеров мугама культ особого почитания.

Говорят, что мугам формирует, лепит душу человека. В Карабахе это был взаимосвязанный процесс: здесь сама природа формировала души, которые были предельно восприимчивы ко всему прекрасному, в том числе и к музыке. Развивая же музыкальную культуру своего народа, представители карабахской школы мугама вновь воздействовали на умы своих соотечественников. Красота, гармония и покой, пронизывающие природу этих мест, как в зеркале отразились в уникальной музыкальной культуре, долгие годы культивируемой всеми исполнителями из Карабаха.

Большинство карабахских певцов-ханенде родились в Шуше. Тема Шуши, этот образ Шуши как неприступной крепости и нравственной цитадели, как культурной святыни всего азербайджанского народа будет звучать постоянным лейтмотивом их творчества.

История Шуши была известна каждому шушинцу не только из различных летописей Карабаха. Для них всех эти

"Сказы о Карабахе" - "Карабахнамяляр" - не воспринимались как рукописные фолианты. Для них это была неотъемлемая часть их сегодняшней и вчерашней жизни. Многие эпизоды истории, отраженные в них, постоянно устно пересказывались, переходя от поколения к поколению, сохраняя мельчайшие детали исторических событий и отражая подробности истинной истории этих мест. "Карабахнамяляр" были живой историей, живущей в буднях, в архитектурных памятниках, в той яви, где историческая правда, реалии дня минувшего и дня настоящего гармонично дополняют друг друга. История и природа этих мест и породили одну из основных тем карабахской школы мугама - тему Карабаха. Знаменитый мугам "Карабах шикястеси" был и остается своеобразной визитной карточкой певцов Карабаха.

Шуша дала миру множество музыкантов, многие из которых избирали псевдоним Шушинский в полном соответствии со знаменитой фразой русского поэта Есенина: "Если не поэт, то не из Ширази, если не певец, то не из Шуши". Шуша подарила миру столько замечательных певцов, исполнителей, композиторов и музыковедов, что они могли бы составить специальную энциклопедию исполнительского мастерства.

Шуша по праву всегда считалась музыкальной консерваторией Востока. Отовсюду сюда стекались любители музыки послушать прославленных певцов или научиться пению. Но не только музыкантами славился этот город. Сколько уникальных природных факторов в сочетании с деяниями конкретных людей должно было слиться воедино, чтобы породить этот феномен, имя которому Шуша. Сколько замечательных людей самых различных профессий должно было появиться на свет именно в этом городе, чтобы на сделанных их руками инструментах, в построенных ими замечательных залах, на написанные ими прекрасные стихи стала слагаться невиданная ранее музыка. Атмосфера этого города нашла свое отражение в книге Александра Дюма о путешествии по Кавказу. В ней дана яркая характеристика правительницы Карабаха - поэтессы Натаван.

Чистые, кристально прозрачные родники снискали такую славу этим местам, что самый знаменитый из этих родников - Иса булаг воспринимался многими как символ Шуши. Горы, устремленные казалось прямо в небесную твердь, окружают здесь изумительное по красоте плато и создали невиданный по своей акустике зал для музицирования под открытым небом. Это обрамленное кольцом гор плато "Дждыр Дюзю" видел и слышало многих прославленных певцов. Но и вездесущие шушинские мальчишки не упускали случая "пошалить" с этим чудом природы. Звонкие детские голоса, только-только постигающие азы мугамного пения, ежедневно доносились с различных горных перевалов, отзывались гулким эхом от окружающих гор и сливались воедино. Такую невиданную полифонию, многократно повторяемую и усиливаемую эхом, журчанием родников и шелестом деревьев, поддерживаемую хором певчих птиц, могла создавать лишь детская фантазия.

В 1987 году здесь проходил международный мугамный фестиваль "Харыбюльбюль". Он был назван так в честь уникального цветка, растущего в этих горах. Какое созвездие молодых талантов выявил этот фестиваль! Оккупация армянскими агрессорами в 1992 году города Шуши превратила каждую из этих восходящих звезд мугамного искусства в беженцев. Сегодня именно в лагерях для беженцев лауреаты этого фестиваля с тоской и грустью поведают вам о том, что после черных дней изгнания они не поют. "Мы - жители гор - не можем жить и петь на равнине. Души наши остались там, в Шуше. Без горных ручейков и родников, без прозрачного воздуха горных

вершин, без переключки голосов птиц на Джыдыр Дюзю как нам петь?" Есть ли ответ на эти признания? Остается лишь содрогнуться от сознания собственного бессилия и глубины восприятия мира у этих детских душ и сердец.

Согласно неписаным законам, музыкальные собрания Шуши подразделялись на несколько классов. Первыми считались те шушинские меджлисы, куда приглашались музыканты высочайшего класса, где присутствовала знать. При этом особо ценилось, чтобы певец исполнял доселе еще не звучавшие стихи, независимо от того, выискал ли он их в древних рукописях или же их написал кто-то из современных поэтов - высоки были требования лишь к качеству стихов. В этих меджлисах не принято было играть танцевальные мелодии, мугам исполнялся со всеми нюансами и переходами и никогда не звучали танцевальные мелодии.

Меджлисы второго ранга предполагали приглашения если не второстепенных, то все же не самых лучших певцов. Здесь также обычно исполнялся мугам, но после двухчасового исполнения мугама разрешалось спеть какую-то народную песню или дать станцевать нескольким людям.

Третий класс меджлисов представлял собой людей, желающих развлечься. Это так называемые увеселительные меджлисы, где не было места серьезной музыке и исполнялось очень много так называемой веселой музыки. Уважающие себя ханенде, как правило, не ходили на такие меджлисы. Зачастую и свадьбы напоминали меджлисы такого класса. Здесь исполнялись в основном мелодичные, быстрого темпа песни, специально приглашались танцовщицы.

При всей условности такой классификации, именно высокие требования к настоящим первоклассным меджлисам позволяли музыкантам долгие годы сохранять невиданный уровень исполнения. Этому уровню соответствовали и слушатели. По существу такое собрание истинных знатоков мугама позволяло самому жанру совершенствоваться и развиваться, оставаясь при всей своей каноничности не застывшей, а вечно живой формой народного творчества.

В целом Шуша прославилась именно меджлисами первого класса, создавшими ей славу неповторимой консерватории Востока. Недаром в лексикон азербайджанского народа вошла и такая пословица, что в Шуше дети плачут на мотив мугама "Сейях", а смеются на мотив мугама "Шахназ".

Писатель Абдурагим Ахвердиев указывал, что с какими бы музыкантами во второй половине XIX века вы ни встречались, будь это в Баку, Шамахе, Ашгабаде, Тегеране или Стамбуле, вы обязательно среди них нашли бы музыкантов из Шуши. Они определяли своеобразную музыкальную моду на всем Востоке, и в Шушу стекались со всех сторон певцы, желающие получить оценку своего голоса и мастерства. Спустя годы, уже став прославленными ханенде, они цитировали, что сказал об их голосе Гаджи Гусейн, Садыгджан, Мирза Мухтар, Джаббар Гарягдыюглу или кто-то иной из весомых авторитетов карабахского мира мугама.

Первый нефтяной бум в Азербайджане оказал свое влияние и на развитие мугамного творчества. Организованные меценатами из числа бакинских нефтепромышленников "Восточные вечера" имели огромный успех. Первые из них состоялись в шушинском театре. Выступления представителей карабахской школы мугама в "Восточных вечерах", организованных в других городах Азербайджана, в частности в Баку, стали ярким событием в музыкальной жизни тех лет. Именно с "Восточных вечеров" и началась эпоха трансформации традицион-

ных музыкальных собраний, охватывающих истинных ценителей мугама, в систему мугамных концертов, собирающих всех желающих приобщиться к этому искусству.

В течении всего XX века карабахская школа мугама дала музыкальному миру много новых ярких музыкантов. Нагорно-карабахский конфликт разрушил сложившуюся преемственность в подготовке ханенде. **Говорят, что музы молчат, когда говорят пушки. Карабахские ханенде не молчат, они поют. Но в их пении сегодня слышна их боль, их горе, их страдания. Как когда-то пел великий Джаббар Гарягдыюглу: "Если даже я в раю, что мне этот рай без Карабаха".**

Мир глобализируется. В этом глобализирующемся мире с фантастической скоростью происходят различные изменения. Небывалая ранее мобильность людских потоков, возможность почти мгновенной передачи информации, изменяющие облик мира новые технологии - все это происходит на фоне нарастающих угроз терроризма и природных катаклизмов. В мире, подверженном столь сильным влияниям, человек подобен песчинке. Ни философия глобализма, ни философия антиглобализма не вернут ему утраченную гармонию. Равно как и рассуждения о столкновении или балансе цивилизаций. Но именно в эту эпоху мы все вместе должны сформировать некую основу нашего дальнейшего развития, тесно связанного с парадигмой Традиции. Лишь через силу Традиции, через сохранение архаического архетипа каждой цивилизации, культуры каждого народа мы можем придти к многообразию культур, к такому миру, в котором будет возможно сохранение и приумножение Традиций. Именно этим целям и служит Конвенция ЮНЕСКО по сохранению устного и нематериального наследия. ●

Мехрибан АЛИЕВА,
Посол Доброй Воли ЮНЕСКО,
Президент Фонда Гейдара Алиева
(Из книги "Карабахские ханенде")

Under the decision of UNESCO Azerbaijani mugham was included into the list of masterpieces of the oral and non-material heritage having an outstanding value for culture of all mankind. To this day mugham remains a certain phenomenon, which is represents both old traditions and at the same time, is a modern art. The unique culture of mugham arts has grown on a rich philosophical, musical and literary ground. The mugham performers are perceived as the carriers of a certain archaic magic code which should pass from father to son, granting to people an opportunity of familiarizing with eternal truth and finding of a peace in one's soul. The basic mugham schools are Baku, Shemakha, Ganja, Nakhchevan and Shusha (Karabakh). The Karabakh School has been generated, basically, in Shusha. This city by rights was considered as a conservatory of the Caucasus. This school generated many bright musicians throughout the XX century. The Nagorno-Karabakh conflict has largely destroyed the traditions and the continuity in preparation khanende, mugam performers. There is a saying, that muses are silent, when speak guns. Karabakh khanende are not silent, they sing. But in their singing one can feel their pain, their grief, and their sufferings. As once sang great mugam performer Jabbar Garyagdi: "Even if I am in paradise, what is it for without Karabakh"